

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
И БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
БУДЬ ГОТОВ!

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ
И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 45-й № 33 [5304] Пятница, 25 апреля 1969 г. Цена 1 коп.

АНАДЫРЬ
ПИОНЕРЫ, КОМСОМОЛЬЦЫ, ВСЕ ЖИТЕЛИ ЧУКОТКИ С БОЛЬШОЙ РАДОСТЬЮ
ВСТРЕТИЛИ ИЗВЕСТИЕ ОБ ИНИЦИАТИВЕ ЮНЫХ ЛЕНИНЦЕВ МОСКВЫ ПОДАРИТЬ
ДЕТЯМ СОВЕТСКОЙ ЧУКОТКИ ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ. КОМСОМОЛЬЦЫ, ПИОНЕРЫ
ЧУКОТКИ СДЕЛАЮТ ВСЁ ДЛЯ ПРЕТВОРЕНИЯ В ЖИЗНЬ ИНИЦИАТИВЫ МОСКОВ-
СКИХ ПИОНЕРОВ.

ПРЕЗИДИУМ ПЛЕНУМА ЧУКОТСКОГО ОКРУЖКОМА КОМСОМОЛА.

СМЕШНЫЕ узелские ребята. На улице мороз и ветер с полюса, а им всё равно надо выскочить на улицу, на снег. И носиться с криком вокруг интерната, догоняя, падая, поднимая фонтаны снега. Снег вспыхивает на солнце, и сопки вокруг тоже вроде горят, сияют голубым пламенем, и даже воздух светится.

А сразу за Узелом стоит скала, крутой утёс. Там, за утёсом, кончается наша земля. Там, сразу за нешироким, покрытым торосами Беринговым проливом, лежит Аляска — территория Соединённых Штатов Америки. И на Аляске, наверно, сейчас такая же погода, так же весело горит снег. Но я не могу этого представить, потому что в памяти моей стоит грустная история о том, как там, на Аляске, совсем недавно целыми селениями вымирал когда-то могучий народ — эскимосы.

Эскимосы охотились на моржа, на дикого оленя — карибу. И дети их были бойкими и весёлыми, как молодые оленята. Но однажды на Аляску пришли новые хозяева — американцы (янки, как их там называют). И принесли новые законы — законы наживы. С тех пор многие эскимосы перестали охотиться на оленя, стали стрелять пушных зверей — песца, куньцу, потому что пушнина в то время была в большой цене. Но когда мода на меховые манто и воротники прошла, цена на пушнину резко упала. Эскимосы остались без занятия, без средств к жизни. Редкие из них смогли вернуться к прежнему укладу, снова стрелять моржа и гоняться за оленем. Лишённые обычной северной пищи, без достаточной медицинской помощи, эскимосы стали быстро вымирать. Бывало, скошенные туберкулёзом и холодом, погибали целые стойбища.

Вспоминаю историю заселения Северной Америки, удивляясь, насколько жесток закон наживы. Не щадил он ни жителей континента, ни его природу. По книгам мы знаем: паслись когда-то на североамериканских пастбищах многомиллионные стада сильных, красивых животных — бизонов. Индейцы с их луками не могли как-либо изменить численность этих стад. Но вот появились янки, и теперь бизон почти полностью истреблён. Его уже не встретишь свободно разгуливающим по американским прериям, сейчас бизон — диковина, некий сказочный персонаж вроде Конька-Горбунка. Такая же судьба ожидает северного медведя. Шкура белого медведя в Соединённых Штатах оценена в 2 000 долларов, и сейчас на побережье Аляски почти непрерывно звучат выстрелы. Янки гонятся за медведями на самолётах, вертолётах. (В Советском Союзе охота на белого медведя запрещена).

Особенно жестока судьба коренного населения Аляски. С 1867 года по 1940 год коренного населения там стало вдвое меньше, то есть североамериканские эскимосы, чукчи и алеуты постоянно вымирали. Сейчас у эскимосов нет даже письменности, вместо неё — первобытная пиктография (в виде рисунков и значков). Свои некогда роскошные северные одежды эскимосы надевают лишь для того, чтобы позировать перед фотообъективом заезжего туриста.

А одежда на Севере в самом деле роскошная. Помню, прибыл я в совхоз «Канчаланский», в бригаду известного на всю Чукотку оленевода Ивана Аренто. Пастухи вышли навстречу, зорко, прищурившись смотрят на приезжего. И в глазах едва заметная усмешка: смеюся я, видно, был в своём городском пальто здесь, в тундре, среди ветров и снега. А сами они... Ну разве можно описать все перемены цветов и причудливость отделки одежды оленевода! Брюки, сшитые из белого камуса (прочный мех с оленьих ног), по-спортивному плотно облегают фигуру. Пушистая, недоступная ветру и снегу кулянка (куртка) оторочена длинными белыми прядями с оленьего лба. А пастухи шапки можно показывать на фестивале мод: сшитые из тонких меховых полос, отделанные многоцветными лоскутами меха лисы, песца и росомачи, они походят на праздничные карнавальные наряды.

Пастухи бригады Аренто известны не только своими одеждами. Как-то зимой капризная чукотская погода принесла в тундру гололédь, тысячи гектаров пастбищ покрылись прочной коркой льда. Тревожно захрапели, перестукиваясь рогами, олени. Затревожились пастухи: нет корма — погибнет стадо. Десять дней и десять ночей метался Аренто по тундре, взбирался на обледеневшие склоны холмов, искал рыхлый снег, из-под которого олени смогли бы выбрать единственный корм — ягель. Вымерзшая, ледяная тундра отбирала у человека силы, а он всё искал. И нашёл, наконец, пастбище. И спас оленей. Потом за этот подвиг Ивану Аренто было присвоено звание Героя Социалистического Труда. А сейчас его называют «профессором тундрового университета». Поймать паста оленьей едой сюда пастухи со всего Севера. Совхоз «Канчаланский» давно считает прибылью от оленеводства миллио-

О обе-сторонны Берингова пролива

нами рублей, а с заработками пастухов могут поспорничать разве только золотодобытчики.

Пасти оленя — непростое дело. Для этого надо быть «профессором тундры». И так же непростое, оказывается, нарисовать оленя. Я часто видел, как рисуют его художники — олень как олень. Но когда собирался на Чукотку, знатоки в Москве советовали мне:

— Попроси там кого-нибудь из чукчей нарисовать оленя. Таких оленей больше никто тебе не нарисует.

Попав в Узел, я познакомился с молодым художником Иваном Эттендутом и долго приставал к нему:

— Нарисуй оленя!

А Ивану некогда. Днём он работает в косторезной мастерской, вечерами учится, торопится окончить школу. После школы его как способного художника посылают учиться в Ленинград. Так и не нарисовал он оленя.

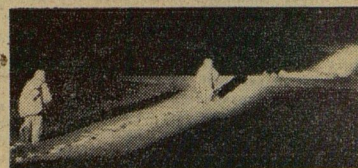
Но однажды мне повезло: пришёл я в школу на урок рисования и заглянул через плечо Любы Вуквуна. И увидел оленя, увидел бег его, лёгкий и быстрый, с высоко поднятой, чуть запрокинутой назад головой. Оленья упряжка, нарисованная Любой, неслась по тундре и, того гляди, могла выскочить за пределы бивня (Люба наносила рисунок на подираванный моржовый бивень). И яранга рядом вся светилась на солнце, и дым над ярангой вроде шевелился, клубился, и собаки как будто по-настоящему прыгали, и нерпа, выглянувшая из проруби, казалось, с любопытством уставилась на меня, спрашивая: «Ну как? Интересно у нас на Севере?» Я увидел иной, настоящий Север, каким не увидишь его, сколько ни путешествуешь. Таким изобразить его не сможет ни один художник в мире, кроме тех, для кого Север — родной и обязательно счастливый дом.

А. ЛЕЛЬВЕР.
(Наш специальный корреспондент).

Узел — Канчалан — Москва.

НА СНИМКАХ писатель Юрий Рытхэу и бригадир оленеводов Иван Аренто. Зверобой совхоза «Пионер» комсомолец Григорий Нуну. Юный житель тундры. Таких оленей разводит в совхозе «Канчаланский». Люба Вуквуна. Это её рисунок вы видите на этой странице. В пограничном дозоре.

Фото М. ГЕРМАШОВА и А. ЛЕЛЬВЕРА.

СВИСТОК! Мяч в игре!

Не успело ещё солнышко высушить лужи на стадионах, ещё и зелёного ковра нет, а в редакции идёт поток писем с одним вопросом: когда начнется розыгрыш на приз клуба «Кожаный мяч»?

Наш корреспондент взял интервью у президента клуба «Кожаный мяч» заслуженного мастера спорта Михаила Павловича Сушнова.

РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУИСТА, КТО В ЭТОМ ГОДУ БУДЕТ БОРЬБЫ ЗА ГЛАВНЫЙ ПРИЗ КЛУБА?

— Соревнования, как всегда, проводятся по двум группам: для мальчиков, которые родились в 1957—1958 годах, и для мальчиков 1955—1956 годов рождения. Команды организуются только по месту жительства и состоят из ребят, живущих в одном ЖЭКе, домоуправлении, дворе, селе или деревне.

А КАК БЫТЬ ТЕМ РЕБЯТАМ, КОТОРЫМ ТОЛЬКО 9 ИЛИ 10 ЛЕТ?

— Центральный штаб «Кожаного мяча» верит, что члены клуба помогут и этим ребятам организовать свои команды. В следующем году они тоже смогут участвовать в наших соревнованиях.

КОГДА НАЧИНАЮТСЯ СОРЕВНОВАНИЯ?

— В зависимости от местных условий, но не позднее 15 мая. Как всегда, тренерами могут

стать старшие товарищи. За помощью обращайтесь в райкомы и горкомы комсомола.

КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА СОРЕВНОВАНИЙ?

— Футболисты играют в кедах, облегченными мячами. Ворота размером 2 м × 6 м. Продолжительность матча для младших ребят—40 минут (2 тайма по 20 минут), а старшие ребята играют 50 минут (2 тайма по 25 минут). **ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О ФИНАЛЕ?**

— В РСФСР впервые будут проведены финальные соревнования в 7 зонах. Победители республик и зон соберутся на финал в Волгограде и Свердловске. Финалисты получат дипломы, мячи с автографами футболистов сборной СССР. Призеры — золотые, серебряные и бронзовые медали, а участники зональных и республиканских соревнований — значки клуба.

В ПРАВИЛАХ ЕСТЬ ОДНО ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ: НА ФИНАЛ МЫ МОЖЕМ ВЫЗВАТЬ НЕ ТОЛЬКО КОМАНДУ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦУ, ФИНАЛИСТОМ БУДЕТ ТОТ, КТО ХОРОШО ИГРАЛ, ПОСТРОИЛ СПОРТИВНЫЕ ПЛОЩАДКИ, КТО ПОМОГ МЛАДШИМ РЕБЯТАМ ОРГАНИЗОВАТЬ КОМАНДУ.

Итак, всем участникам нашего клуба я желаю больших успехов в труде и спорте.

САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ПЬЕСЫ

«Чудо-юдо рыба-кит» прибыл в Москву в огромном контейнере. Сказка «Конёк-Горбунко» вместе с другими спектаклями Ленинградского театра юных зрителей на целый месяц переехала в Москву. В столице начинаются гастроли старшего в нашей стране театра для детей. О чём будет рассказывать ребятам Ленинградский ТЮЗ? О прекрасном человеке лейтенанте Шмидте, о революции — в спектакле «После казни прош...» О твоих сверстниках — в пьесах «Третья брешь» и «Если что, я — Серега». «Наш цирк» — представление веселое. По произведению М. Горького поставлен спектакль «Хозяин».

Ленинградский ТЮЗ — участник Всесоюзного театрального фестиваля в честь 50-летия ВЛКСМ.

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рис. Л. СМЕХОВА.

ДЕВОЧКА В БУРНОМ МОРЕ

(ПОВЕСТЬ)*

«ДАЖЕ ЕСЛИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО...»

— Мам!

Елизавета Карповна подняла голову перед ней стояла Антошка и пылливо вглядывалась в её лицо.

— Ты о чём-то всё думаешь?

— О многом, лапотька, о многом. И прежде всего о том, что нам давно пора быть в управлении военно-воздушного флота. Пойдём.

Вышли на улицу к останковке омнибуса. На широкой полосе тротуара, недалеко от останковки, пожилой человек сидя на раскладном стуле, рисовал разноцветными мелками на асфальте. Влажная прядь волос отпала и обаяла бледную лысину в продольных морщинах. Возле ограды лежала опрокинутая шляпа, и в ней поблещивало несколько монет. Антошка подошла ближе. Человек рисовал карикатуру на Гитлера: изобразил фашистского главаря в виде крилящегося исцуганой обезьяны. В лапах у обезьяны два банана, срощенные буквой «у».

Художник стал приглашать людей из очереди:

— Уважаемые люди и

дженгельмены, всего за один пенс вы можете выразить ваше отношение к «великому фиюреу».

Люди подходили, посмеивались, разглядывали мастерски сделанную карикатуру, бросали в шляпу художника монетки, шаркали по изображению Гитлера ногами.

Антошка наблюдала, как под быстрой рукой художника возникали безобразные масни толстого Геринга, толстого и злобного Гиммлера, орущего Геббельса.

Художник закончил работу, распрямил плечи, вытер платком лысину и, увидев девочку, заинтересованно рассматривающую его рисунок, обратился к ней:

— Маленькая мисс, всего за один пенс вы можете плюнуть в лицо Гитлеру.

Антошка умоляюще оглянулась на мать.

Елизавета Карповна подняла. Порылась в кошельке, протянула дочери монету.

Антошка наступила на Геринга, пошмыгала подошвами по изображению Гиммлера, растоптала и оплевала Гитлера. Делала она это с яростью, исступлением, приговаривая:

— Вот тебе за Харьков, за Ленинград, за всё, за всё! Какая-то женщина сказала:

— Видно, Гитлер очень

насолит тебе в жизни, девочка.

Антошка бросила в шляпу монету и побежала в очередь.

В управлении военно-воздушного флота они долго ходили из одного помещения в другое, пона, наконец, не попали к нужному человеку.

В кабинете висела большая карта, которую при их появлении офицер задрнул тёмной шторой.

— Чем могу быть полезен?

Елизавета Карповна объяснила, что им надо немедленно лететь в Москву, и протянула лейтенанту письмо английского военного атташе в Швецию.

Антошка осматривала кабинет. Над картой, задрнутой шторой, висел большой портрет Черчилля и рядом с ним в такой же раме и такой же величине портрет... бульдога. И премьер-министр, и свирепый боец держали в зубах по толстой сигаре. Оба очень походили друг на друга.

Лейтенант долго вертел в руках бумаги.

— В нашем консульстве мне сказали, что на днях в Архангельск должна лететь «Каталина», — сказала Елизавета Карповна.

Офицер собрал губы трубочкой и свистнул:

— Но «Каталина» — военная летающая лодка.

— И в ней нет мест для пассажиров? — спросила Елизавета Карповна, предчувствуя отказ.

— Места есть, но, к сожалению, не для женщин, миссис. Командир корабля не возьмёт на военный самолёт женщину, да ещё двух, — перевёл лейтенант взгляд на Антошку.

— Что же нам делать? — в отчаянии воскликнула Елизавета Карповна. — Может быть, мне самой попытаться уговорить командира?

— Не поможет. Даже если Его Величество король Георг VI прикажет командиру корабля взять на борт женщину, он, я уверен, послушается Его Величества. Женщина на военном корабле приносит несчастье.

Антошке показалось, что он, этот молодой лейтенант, шутит, и она громко рассмеялась.

Офицер метнул на дерзкую девочку сердитый взгляд, и она почувствовала себя оплошавшим солдатом.

— Извините, — тихо произнесла она.

Офицер сморгнул и почувственно посмотрел на упавшую духом женщину.

— Я советую вам обратиться к военно-морским властям. Возможно, в Россию пойдёт конвой, хотя нам об этом ничего не известно. И я прошу вас, миссис, забыть о том, что «Каталина» летит в Россию. Может быть, она и вовсе не полетит. Во всяком случае, об этом никто не должен знать, — и офицер молча показал глазами на плакат: «Молчи, тебя слушает враг!»

— Я понимаю, — кивнула Елизавета Карповна.

— Очень важно, чтобы это усвоила и маленькая мисс.

Елизавета Карповна записала адрес.

— Я советую ехать в метро. У вас будет всего три пересадки, и станция метро совсем рядом, — сказал офицер на прощание.

В ведомстве военно-морского флота пожали плечами, разводили руками, отсылали из комнаты в комнату. Идя по коридору, Елизавета Карповна с Антошкой услышала русскую речь. Навстречу им шли двое мужчин в штатском. Одного из них Елизавета Карповна где-то встречала. Подойдя к ним вплотную, она, наконец, вспомнила: старший из них, с седым ёжиком на голове, был дискурьер Алексей Антонович.

— Здравствуй, уй ё, Алексей Антонович! — обратился к нему Елизавета Карповна.

Мужчины остановились, Алексей Антонович зорко посмотрел на женщину, стараясь вспомнить, где он мог с ней встречаться.

— Я жена бывшего работника торгпредства в Швеции Васильева.

— А, — вспомнил и Алексей Антонович, — вы были врачом посольства и даже как-то лечили меня от

гриппа. Вы работаете теперь в Лондоне?

— Нет, мы едем домой... Вы не скажете, к кому нам надо обратиться, чтобы получить место на корабле, который уходит с конвоем в Мурманск?

Алексей Антонович представил своего помощника Василия Сергеевича, молодого человека с фигурой атлета.

— Ну что ж, Вася, пойдём хлоппочем.

Зашагали по длинному коридору, постучали в одну из многочисленных дверей.

— Мистер Паррот, — обратился Алексей Антонович к капитану третьего ранга, — мы очень просили бы вас взять ещё двух пассажиров. Это наши соотечественники — жена советского офицера миссис Васильева и её дочь.

Мистер Паррот, холерный, чисто выбритый, в форме капитана III ранга, при виде женщины встал и предложил им сесть.

— К сожалению, это совершенно невозможно. Я не имею права взять женщину на миноносец.

— Но, мистер Паррот, ведь сейчас военное время, а миссис Васильева военный врач...

— Если бы я и согласился взять, команда корабля поднимет бунт.

(Продолжение следует)

